

ЛЕОН КОСТЕВИЧ

Я ИДУ ПО КОВРУ

Леон Костевич
Я иду по ковру

«Издательские решения»

Костевич Л. Г.

Я иду по ковру / Л. Г. Костевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748042-4

Журналист. Ловкий, умный человек, вытаскивающий на свет грязное белье политиков и кинозвезд, — таким его обычно показывают писатели и режиссеры. Но всегда ли умны и профессиональны те, кто каждый день улыбается нам с экрана? А для того, кто когда-то мечтал о большем, журналистика и вовсе может стать трагедией. Об этом рассказывается в легкой остроумной повести Л. Костевича «Я иду по ковру».

ISBN 978-5-44-748042-4

© Костевич Л. Г.
© Издательские решения

Я иду по ковру

Леон Гельевич Костевич

Провинциальным, а также всем остальным журналистам посвящается.

© Леон Гельевич Костевич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После института в одну и ту же школу с моим однокурсником Женькой Линчевским мы распределились случайно. Поначалу директриса просто стонала от счастья, поскольку мужчин в системе среднего образования осталось, как черноногого мангуста в Западной Африке. К тому же, летом кто-то должен белить высоченный потолок спортзала. Привлекать старшеклассников наша гюрза не рисковала, военрук заявлял, что он не Гагарин и вообще служил в другом роде войск, а трудовик пребывал в том почтенном возрасте, когда подбивать человека на побелку потолков считается неприличным.

Однако скоро восторгов по поводу Женьки у директрисы поубавилось. Под Новый год он обнаружил – весь учебник великого и могучего пройден до последнего упражнения. Ничтоже сумняшеся, Линчевский открыл книгу сначала, а будучи пойманным комиссией гороно, объявил о проведении в жизнь собственного передового метода, позволяющего усваивать пройденное как минимум в полтора раза лучше. Новоиспеченный педагог-новатор сумел подкрепить свои слова такими теориями и громкими именами, что едва не убедил проверяющих в собственной правоте. По крайней мере, катастрофы не произошло – Женьке просто посоветовали впредь согласовывать эксперименты с директором школы.

Но это не всё. На одном из уроков Линчевский вляпался: не знал, «о» пишется в слове или «а». Оценив ситуацию, он призвал: «Голосуем!», а когда отличники единогласно выбрали «о», примкнул и лицемерно похвалил за правильный ответ.

Сейчас Женька в школе уже не работает. Он пробился на ТВ, и мы с Александрой частенько видим его, как раньше говорили, на голубом экране. Я Линчевским очень горжусь и не упускаю случая похвастать перед знакомыми – на одном курсе учились! Правда, звонить мой однокурсник давно не звонит. Наверное, много работы. Интересной и живой – не то что школьная рутина.

Вообще-то, я и сам не подарок: за сорок пять минут «окна» проверяю 57 тетрадей по русскому языку. Многовато? Смотря как проверять. Если с пристрастием, то конечно. В первый после института год работы я именно так и поступал: таскал домой пачки тетрадей и, жертвуя просмотром фильма по телеку, допоздна выковыривал красным стержнем ошибки. Однако сие неблагодарное занятие наскучило мне довольно быстро, и к весенним каникулам я взвалил на себя повышенные обязательства – домой детскую писанину не носить и довести проверку до показателя одна работа в минуту. Вариант беспроигрышный – если какой-нибудь досужий отличник, получив на руки проверенную тетрадку и проанализировав собственные промахи, обнаруживает не выявленную ошибку, он и не догадывается заподозрить учителя в халатности. «Недосмотрел Юрий Константинович: есть Бог на свете», – скорей всего размышляет «ботаник». Что касается двоечников, они и вовсе не утруждают себя самоанализом.

Но ладно бы только это. Если накануне Юрий Константинович допоздна засиживается на кухне с не виденным тыщу лет другом детства, работать с утра нет не то что желания, а элементарной физической возможности. Тогда применяется иная, тоже собственного изобретения, хитрость (молодые словесники могут взять на вооружение). Начиная урок, я строгим голосом повелеваю: «А сейчас найдите в конце учебника картину художника Саврасова „Грачи прилетели“. На двойных листочках пишем сочинение. Время пошло. Листочки в конце урока

соберу!» Подождав, пока спазмы творчества охватят самых безнадежных балбесов, учитель открывает припасённых для такого случая Бунина или Фолкнера и до конца урока существует вне времени и пространства. Собранные же на перемене листочки с самостоятельными работами вскоре находят приют на дне мусорных баков за школой, даже не ощутив прикосновения учительского пера. Оценки за сочинения ставятся в журнал «на глазок» согласно таблицы о рангах. А когда все те же озабоченные пятёрочники начинают вымогать проверенные работы на предмет предъявления маме, педагог только сокрушенно мотает головой и повторяет сакральную фразу: «Как сквозь землю провалились!»

Я отогнал посторонние мысли, взял из пачки верхнюю тетрадь и с сожалением заметил Серафиму. Серафима Яковлевна ведёт предмет под названием Изобразительное искусство и хотя все изображаемое на ее уроках искусством назвать трудно, относится к своей миссии с преувеличенной серьезностью недалекого человека.

– Нет, ты скажи, Юрий Константинович, чего она хочет?! – не успев войти в кабинет, вскричала Серафима.

Я сразу уяснил, кто скрывается за местоимением «она» и, несмотря на риторический характер вопроса, ответил:

– Чего хочет директор школы, того хочет Бог.

– Нет, я серьезно! – не отставала Серафима. – Она в кои-то веки припирается ко мне на урок, а потом заявляет – я, видите ли, употребляю слишком сложные для детей термины. Понятие «композиция» слишком сложно, да? Нет, ты скажи!

Я неопределенно повел бровями и с тоской посмотрел в раскрытую тетрадь.

– Она хочет, – не обращала на меня внимания художница, – чтоб теперь я говорила: «А теперь, деточки, мы изобразим вот такую композюлечку?»

Подобные люди попадают часто: для полнокровной жизни им нужны интриганы, враги и завистники. Если верить моей визави, ими кишит вся школа. Стоически внимая Серафиминому негодованию, я украдкой покосился на часы:

– Серафима Яковлевна, я покурить не успею!

– Конечно, – сразу сникла художница, отчаявшись найти отклик у равнодушной толпы, и тут же снова оживилась:

– Да, я зачем зашла-то! Юрий Константинович, ты уж натяни моей Шулейкиной «пятерочку» за год. Да?

– Об чём разговор!

Проверив в кармане зажигалку, я коротко вздрогнул: остаётся только удивляться, как от децибелов нашего звонка до сих пор не попадали стены. Единственный человек, остающийся равнодушным к его адовым переливам – школьная техничка: во-первых, она частично глухая, а во-вторых, ещё помнит войну.

Домой я возвращался в восьмом часу вечера; после уроков по приказу директрисы проводили субботник (это в пятницу). По пути завернул в овощной за картошкой, и, не удержавшись, купил в придачу несколько апельсинов. На голодный желудок по магазинам ходить нельзя.

– Бери больше, – прищурилась на деления весов продавщица.

– Необходимо и достаточно! – Я постарался прикинуть, насколько цитрусовые подточат семейный бюджет. Равнодушно взяв грязными пальцами деньги, лавочница скрылась в подсобке.

У подъезда в компании пенсионерок сидела, заметно поддатая, моя соседка по лестничной клетке баба Феша. Употребляет она слегка, зато каждый день. Заметив меня на приличном расстоянии, она сфокусировала взгляд на оранжевых плодах и, подпустив поближе, попросила:

– Сына, дай бабе апельсин.

Стараясь не выказать сожаления, я протянул ей один из плодов, но молчавшие до сих пор остальные бабки осуждающе зашикали на свою товарку: «Пойди да купи себе! Молодые и без твоей помощи съедят. Иди, Юрик, не слушай ее».

Уже поднявшись на второй этаж, я слышал, как баба Феша всё отбивалась от моих защитниц. Тембр её голоса трудно не узнать – так в мультфильмах обычно разговаривают разбитые чашки. Появился он несколько лет назад, когда баба Феша задумала перебраться к сыну и, расклеивая по столбам объявления о продаже квартиры, нечаянно запрокинула голову с зажатой в зубах бутылочкой клея. Самое обидное – к сыну моя яблоколюбивая соседка потом так и не переехала.

Чтобы лишний раз не беспокоить Александру, дверь я открыл своим ключом. Задрав ноги на спинку дивана и прикусив губу, Сашка следила за похождениями Патрика Суэйзи в «Грязных танцах».

– Апельсины? – удивилась она, когда по экрану поехали титры.

Я хмыкнул и кивнул на экран:

– Традиционный «хэппи-энд»?

– Угу. Но вообще-то это типичный мезальянс, – вынесла приговор Сашка, убирая ноги на пол. – С её положением в обществе девочка нашла бы себе жениха побогаче.

– Зато он красивый, – вступился я за Патрика.

– Мало ли! Красивый бы у нее любовник был.

– Значит, барсик, попадись тебе сейчас какой-нибудь Онассис, ты меня бросишь?

– Кроме того, что ты – не миллионер, – назидательно проговорила Александра, – ты еще и не красавец, не забывай. Так что можешь быть уверен, живу я с тобой исключительно по любви.

Склонив голову набок, она выжидательно глянула из-под светлой челки, но мой пустой желудок не сподвигал к развитию темы.

– Если ты так меня любишь, дай поесть, – я начал развязывать галстук. Через полуоткрытую дверь балкона из расположенного напротив троллейбусного парка долетали резкие гудки и ругань водителей.

– Как институт? – поинтересовался я за столом, тщась подцепить на вилку амбициозную макаронину.

– Стоит, – успокоила Сашка.

– Это хорошо, – одобрил я. – А подробнее?

– Да все нормально: зачеты, семинары – семинары, зачеты... Что там может быть нового? Кстати, тебе твой Линчевский звонил.

От удивления я ослабил бдительность, и макаронина, соскользнув с вилки, отползла к своим.

– Же-енька?

– А кто у нас ещё Линчевский? Просил перезвонить.

– Интересно, чего ему понадобилось?

– Перезвони, спроси. – Сашка отвела глаза и поерзала на табуретке. – А у тебя как на работе?

– Часов не добавят, – без лишних слов осветил я единственный интересовавший её аспект моей деятельности.

– Но ведь обещали... Юра, сколько можно жить на гроши?

– Ляксандра! – Подражая главе семейства времён домостроя, я громко постучал по краю стола пальцем. – Когда ты шла за меня, то разве не знала, что государство у нас не осыпает учителей золотом?!

– Знала. Но ты можешь поискать другую работу.

– Как я раньше не догадался! Только где меня ждут с моим учительским дипломом?

Зажмурившись, Сашка примирительно вытянула перед собой руки. Я выхлебал чай, обиженно буркнул «спасибо» и пошел звонить своему популярному однокурснику.

– Что нужно от простых учителей телезвёздам? – светски поинтересовался я, сразу узнав Линчевского по голосу.

Оказалось, Женькина телевизионная начальница уволила за профнепригодность одну из своих подчиненных. Корреспондентка, время от времени допускающая ляпы в эфире, давно висела, что называется, на волоске. Дело решил вчерашний выпуск «Новостей»: нерадивая журналистка пообещала народу температуру воздуха «от минус восемнадцати до плюс двадцати градусов по Цельсию». Может, «шахиня» сама и не заметила бы, но потрясенные климатическим феноменом зрители с утра звонили на канал, страшно веселились и беспокоились, не предвещает ли такой температурный скачок нового ледникового периода. Невольное соавторство с Гидрометом повлекло за собой заявление «по собственному». Разумеется, успокоил Женька, увольнение рассеянной дурочки – пустяк, не совпади оно с его собственным переходом на новое место.

– Что вдруг? – огорчился я.

– Рыба ищет, где глубже, – подпустил туману бывший однокурсник. – Короче, получилась дыра. «Шахиня» озадачилась, где толкового журналиста найти, я вспомнил о тебе. Говорю, парень хоть и не журналист, зато толковый.

Я польщенно хмыкнул:

– Мы вот только с Сашкой про новую работу говорили.

– Значит, подруливай завтра прямо с утра, – подвел черту Женька.

– С ума сошел: у меня уроки утром – конец года, – спохватился я. – И почему вдруг на телевидение стали учителей рекрутировать? У вас же там все места блатные.

– Это в твоей школе так думают?

– Ладно, не обижайся. Я просто побаиваюсь, – сознался я. – У меня ни образования специального, ничего...

– Образование у нас, если помнишь, одинаковые, – напомнил Линчевский, – а попытка – не пытка, правда, товарищ Берия? В общем, начальницу зовут Ванда Поликарповна Москвина. Бери ручку, адрес пиши.

Стараясь не выказывать волнения, я вернулся на кухню.

– Что, барсик, накаркал? Женька говорит, им человек нужен, хотят на меня посмотреть. Подруга дней моих суровых медленно развернулась от раковины, сузила серые глазищи:

– Забожись!

– Век воли не видать. Но ты не радуйся, ещё ничего не известно. Я вообще не знаю, идти туда завтра или нет.

Сашка взмахнула тряпкой, и я еле успел увернуться от брызг:

– Совсем чеканулся. Сходи обязательно, попытка – не пытка.

– Вот и Женька так сказал...

Утром я долго возился в ванной, надел полосатую «выходную» рубашку, взял телефон и, полуразваляясь на диване для лучшего вхождения в образ, набрал номер школы. Посмотрев в зеркало на противоположной стене, я удовлетворенно заключил, что с меня без колебаний можно писать полотно «Смертельно раненый Ильич по телефону приказывает отдать свой паёк детям».

После гудков трубку снял военрук. Это хорошо: не придется лично контактировать с высшими эшелонами школьной власти. Слабым, но без пережимов голосом я попросил передать – у меня невыносимо болит голова. Просто раскалывается. Пусть уж сегодня меня подменят,

а завтра я приползу при любом раскладе: конец года – святое. Без лишних вопросов (военная дисциплина!) военрук обещал довести до сведения и прервал связь.

Не ощущая вкуса, я прямо со сковороды срубал оставшиеся от ужина макароны по-флотски, выскочил на улицу и на последние копейки поймал «частника».

Глядя то в бумажку с адресом, то на номера домов, почти сразу нашел «здание икс». Старомодная – чёрная с золотыми буквами – доска у среднего подъезда коротко сообщала: «АО НГТВ», а ниже в скобках расшифровывала – Новое Городское Телевидение. Рядом с подъездом стояли скамейки и дефилировал мохнатый собачонок.

Охранник в камуфляже, зачем-то потрогав кобуру на боку, объяснил, как найти приемную. Следуя указаниям, я прошел мимо двери с табличкой «Тихо! Озвучка!», уступил дорогу хмурому дистрофику, волокущему, как муравей соломинку, штатив и наткнулся на курившую у окна легкоузнаваемую дикторшу.

Пока ждал в приемной, волнение понемногу ушло и вернулось только внутри кабинета главы телеканала: по западным детективам офис сталелитейного магната мне представлялся именно так. Его хозяйка выглядела лет на сорок с припёком, но, судя по короткой стрижке «под мальчика» и юбке чуть выше колен, вряд ли хотела признавать возраст. Понаблюдав за моими поползновениями прикрыть дверь плотнее, она раздосадованно бросила: «Просишь-просишь этого Ойбаева починить!.. Оставь её в покое, садись.»

Я присел на краешек стула.

– Значит, Юра, для начала расскажи немного о себе, – бросив взгляд на страницу перекидного календаря, перешла Москвина к существу вопроса.

Не до конца понимая, каких именно сведений от меня хотят, я на ощупь изложил некоторые факты своей биографии, особенно напирая на окончание филологического факультета и преподавание языка с литературой, что, как мне казалось, должно было свидетельствовать об умении обращаться со словом.

– Хорошо, – внезапно прервала Москвина. – Я возьму тебя в «Новости». Но с испытательным сроком.

– Извините, – промямлил я, – очень неудобно об этом спрашивать, но... во время испытательного срока мне будут платить?

– Безусловно. Оклад плюс гонорары. Как всем. Просто если через три месяца из тебя ничего не получится – извини. – Тут Москвина, опершись локтями на стол, подалась вперед. – А главное, что ты сразу должен запомнить – все, кто здесь работает, не просто коллеги. Мы – коллектив единомышленников. Команда. И если ты, Юра, окажешься замечательным журналистом, но не сработаешься с ребятами, нам придется расстаться. Понимаешь?

– Конечно, – взволнованно кивнул я.

– За всю жизнь я создала две команды, – вдруг разоткровенничалась моя новая начальница, – и этой, последней, очень горжусь. Мы как..., – она запнулась, – как одна семья – громко сказано, но по сути то же самое. Я искренне хочу, чтобы ты нам подошёл. Эта девочка, которую вчера пришлось уволить, она ведь не только плохо работала...

Я понимающе качал головой.

– И последнее, – тон Москвиной стал суше. – Мы – не желтая пресса, поэтому материалы наших сотрудников должны выглядеть солидно, авторитетно, без всяких там дешевых выпадов по отношению к... в общем, без дешёвки.

Я снова кивнул. Мне совсем не хотелось стать беспринципным шелкопёром, стяжавшим дутую популярность. Выдержав паузу, Ванда Поликарповна посмотрела на высокие, темного дерева, часы, стоящие в углу кабинета:

– Мне должны звонить. Пока покури, а потом возвращайся, я тебя с журналистами познакомлю.

Не решившись смолить у окна в коридоре, как делала это попавшаяся мне по пути сюда дикторша, я пошел к скамейкам у подъезда. Сейчас там сидел крепыш в красной майке. Пальцами со следами вытравленной татуировки он доставал из кулька семечки, сосредоточенно щелкал их и сплевывал шелуху в кулак. Крепыш несколько раз покосился в мою сторону, тоже закурил, похраптел и с достоинством поинтересовался:

– Ты кто?

Слегка опешив от такой коммуникабельности, я представился и немногословно обрисовал цель визита.

– А меня Вова зовут, – не теряя достоинства, назвалса крепыш и поправился: – Владимир. Я как раз на «Новостях» водитель. Но у меня, между прочим, техникум за плечами. А то подумаешь – раз шофер, значит, дубовый какой-нибудь.

– Нет, почему...

– Да многие так думают. А потом пообщаются со мной – совсем другое мнение. Вон Инесса наша вообще говорит: «Тебе бы, Вовка, свою авторскую программу делать». А я думаю, на фиг надо! Так хоть машина постоянно под жопой, где подкалымить, где чё. Но ты, Юрка, когда непонятно, всегда обращайся.

– Обязательно, – серьезно ответил я, но Вова почуял недоверие.

– «Журикам» нашим не сильно доверяй, они иногда такие кекусы отмачивают, смотреть стыдно.

Рядом остановилась «Волга». Из неё выпрыгнул молоденький альбинос с видеокассетой и сквозь стекло разулыбался кому-то на заднем сиденье, обнажив при этом не только зубы, но и нежно розовые, как внутренность морской раковины, дёсны. Очень знакомое лицо.

– Во, смотри, – подтолкнул меня локтем Вова, – это Аркадий наш. Голубой, между прочим.

– В смысле как? – уточнил я.

– В смысле так. Чё, не знаешь, какие голубые бывают?

До сих пор жизнь как-то не баловала меня общением с представителями сексуальных меньшинств и теперь мне не верилось, что этот вполне обычный с виду парень – настоящий, живой гомосексуалист.

– Точно? – засомневался я.

– Я тебе когда-нибудь врал? – обиделся водитель. – Только он не в курсе, что все знают, так что...

– Ну да, так прямо подойду и скажу ему.

На крылечке показалась секретарша Москвиной, нашла меня глазами и недовольно выкликнула:

– Эй! Ванда Поликарповна освободилась! Почему я должна бегать?

– Давай, удачи, – напутствовал Вова.

Дорога в полуподвал, где сидели «Новости», лежала через аппаратную с монтажным комплексом и видеоинженерами. Когда-то «монтажку» тут разместили временно, пояснила Москвина, а теперь переделать руки не доходят. Игнорируя призывающую к тишине надпись на двери, она властно постучала. Если бы дверь открывалась наружу, медицинская карта Ванды Поликарповны несомненно пополнилась бы записью о черепно-мозговой травме, полученной от разъяренного товарища пенсионного возраста. Узрев начальство, товарищ воздержался от комментариев и только нервно поправил на носу чёрную оправу из тех, что когда-то долбали в киножурнале «Фитиль» за грубый, непривлекательный вид. Мы с Москвиной двинулись дальше, прошли мимо туалетов и по выложенным битым кафелем ступенькам спустились в редакцию «Новостей».

– Этого мальчика зовут Юра Чернов, – отрекомендовала меня Ванда Поликарповна, – он будет работать вместо Карины.

Я усмехнулся. Мне самому не раз случалось вводить в класс новичка со словами: «Этот мальчик теперь будет учиться вместе с вами».

Оглядев комнату, я сразу почувствовал себя натурализовавшимся разведчиком, который заочно знает в лицо каждого, но сам неизвестен никому.

– Инесса – самое красивое лицо канала, – Москвина вытянула подбородок в сторону дикторши, встреченной мною у окна в коридоре, которая теперь разглядывала в модном журнале модели одежды. – Это – наш Аркадий, любимец зрителей, – начальница указала на устроившегося рядом с Инессой печально известного юношу-альбиноса. Оба, не отрываясь от глянце-вых страниц, дружно трягнули в ответ головами. – Ойбаева нашего ты только сейчас наверху видел, он нам дверь открывал... Ребята, а где Таня?

– Вы ж её сами в собес снимать отправили, – напомнил Аркадий.

– Да-да, – рассеянно согласилась Москвина. – А это – Марк, ум, честь и совесть НГТВ. Его, наверно, и представлять не надо, – она показала на повернувшегося от компьютера человека с едва заметной лысиной и открытой гагаринской улыбкой.

Конечно! Конечно, не надо. Кто не знает Марка Корнева! Начинать он, кажется, на радио. Или нет, радищником он стал потом, а начинал в «Вечерке», влёт расхватываемой с прилавков «Союзпечати» из-за одних его статей. И тогда же, в самый застой, Корнев написал стихотворение «Троцкий, Бродский и Высоцкий», сразу разошедшееся в самиздате. Один экземпляр, хорошо помню, мама приносила с работы. Речь в стихотворении шла о том, что Троцкого за инакомыслие тюкнули ледорубом, значительно позже за аналогичный грех поэта Бродского просто вышвырнули из страны, а вот Владимиру Семёновичу позволяют играть в театре и снимают в кино. Выходит, издевательски говорилось в конце, погода смягчает, жизнь в стране становится легче и спасибо партии родной. Наказать Марка «они» не смогли – у автора хватило осторожности не подписываться настоящим именем. Чекисты ограничились приглашением Корнева в длинное здание на улице Дзержинского и вежливой беседой о взаимоотношениях Поэта и Власти.

А ещё после убийства священника Александра Меня Марк выдал в «Вечерке» целую полосу под заголовком «Меня убили». Обыгрывая фамилию батюшки, журналист ненавязчиво проводил следующую мысль – зарубив такого человека, подонок с топором убил каждого из нас: и его, и тебя, и меня. Линчевский рассказывал, после выхода номера в печатный орган собственной персоной пожаловал архиепископ Кондратий, заключил талантливому борзописца в объятия и запечатлел на его ланитах торжественный поцелуй. Фотограф «Вечерки» событие отразил, и теперь снимок занимал почетное место среди прочих над столом Марка. Показывая фото каждому свежему посетителю, знаменитый журналист двусмысленно поясняет: «А тут меня Кондрат обнял». Женька говорит, Корнев и на радио марку держал: по мешку писем в неделю получал – больше всех. Да и сейчас наши дамы в учительской его репортажи обсуждают – недели не проходит. И само имя-то какое рельефное: Марк Корнев! Обязательно споткнешься и представишь того, о ком говоришь. Не какой-нибудь Витя Мухин – произнес и не заметил.

...И вот этот просто легендарный человек, не дожидаясь, пока уйдет Москвина, встает от компьютера и первым протягивает мне ладонь:

– Новая кровь! Пора, пора...

Благоговейно ответив на рукопожатие и ощущая необходимость заполнить возникшую паузу, я брякнул первое попавшееся:

– Я часто вас по телевизору смотрю, Марк... извините, не знаю отчества...

– Нет, старик, – разочарованно ответил Корнев, – так не пойдет. На будущее тебе – у журналистов отчество не бывает. Зови меня просто Марк и «на ты». Лады?

– Лады.

– Стол твой вон, – показал Марк и игриво добавил: – Инесса, ты не против, если рядом молодой и красивый сидеть будет?

– Ва bene, – равнодушно отозвалась Инесса.

– Вы.., то есть ты итальянский знаешь? – обрадовался я, некогда самостоятельно пытавшийся изучать язык на почве увлечения певцами Апеннинского полуострова.

Инесса, пресытившаяся к тому времени разглядыванием фасонов одежды, тягостно вздохнула.

– Она в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы училась, – ответил за Инессу Аркадий.

– Только ее оттуда попросили, – весело подхватил Марк. – Сокровище, расскажи новому коллеге, за какие такие злодеяния тебя из Лумумбы поперли.

– Ой, Марк, иди на фиг, как будто ты не знаешь! – отмахнулась Инесса.

– Новый коллега тоже должен знать, – настаивал Корнев. – Мы же одна команда, а от членов команды секретов быть не должно.

– Ну, сына одного африканского борца за мир чуркой назвала.

– Ай-яй-яй, – притворно ужаснулся Марк. – За что же ты его так?

– Тупой потому что. За три года русский язык выучить толком не смог, хоть кол на голове теши!

– Душа моя, – успокаивающе заговорил Корнев, – но ты ведь тоже там ни одного языка не выучила. А между тем, тебя за твой шовинизм даже из Комсомола не погнали.

Инесса самодовольно приосанилась:

– Меня и из универа не гнали, предложили самой. Дядя и в те времена не последний человек был – даже в столице связи имел.

Потянувшись к розетке, Корнев выдернул вилку закипевшего чайника.

– А кто у тебя дядя? – поинтересовался я.

– Сильна советская власть! – изумился Марк, а Аркадий даже тихонько присвистнул:

– Знать надо такие вещи. Дядя Инессы – Зиновий Карлович Крокодилов, мэр нашего города и просто небедный человек.

– Все нажито кровавыми мозолями, – пресекла почудившиеся ей инсинуации Инесса. – Компрене?

– Компрене, компрене, – успокоил Аркадий.

Между прочим, как я потом узнал, в не таком уж далеком прошлом фамилия стоила Зиновию Карловичу президентского кресла. Но занявший свято место нынешний лидер державы оказался существом гуманным и, по выражению Марка, отдал Крокодилову город на разграбление.

– Аркаша, а ты текст-то свой дописал? – Инесса отобрала у альбиноса модный журнал и бросила его себе на стол. – Возишься столько!

– Да он у меня застопорился. Понимаешь, грузовик с «Фордом» долбанулись, – пояснил Марку Аркадий, – ничего интересного, все живы. Будь моя воля, я бы эту аварию вовсе похерил, но сегодня по городу с событиями неважно, выпуск жиденький. Так хоть начать надо покрасивее, чтоб зрителя увлечь... Юра, или как тебя – «лид» называется, запоминай.

– Лид?

– От слова «лидер», – нехотя подключилась Инесса. – Первая фраза должна цеплять зрителя, чтобы он канал не переключил. И тем сильнее цеплять, чем провальнее тема.

– Начни так, – откликнулся Корнев, – скажи: «По слухам, в „Форде“ находился знаменитый криминальный авторитет Нафана. Автокатастрофу ему подстроили боевики из конкурирующей преступной группировки». Увидишь, завтра весь город будет обсуждать.

– Классно! – восхитился Аркадий. – А проблем не возникнет?

– Какие проблемы?! Ты же ясно скажешь – «по слухам». Никакой ответственности. И менты не придерутся – у тебя журналистское право не выдавать информатора.

Во время разговора я, не скрывая любопытства, разглядывал угол, где стоял рабочий стол Марка. На стене, помимо карточки с отцом Кондратием, еще десятка два снимков: Марк увековечен с людьми, известными любому гражданину бывшего Советского Союза – все сплошь заезжие знаменитости. На стеллаже справа, среди видеокассет, словарей и сборников цитат – вырезанная из бурого камня фигурка акулы.

– Это потому, что ты акула пера? – снял я акулу с полки.

– Не надо так прямолинейно мыслить, старик, – укорил Марк. – Широко известный факт: акула должна всё время двигаться, в этом особенность её организма. Только тогда кислород вместе со встречным течением попадает акуле в жабры и заставляет биться сердце. Стоит ей остановиться, и она умрет. Я тоже, как акула – живу, пока нахожусь в движении. В переносном, разумеется, смысле. И она, – Корнев взял у меня из рук фигурку, – мне об этом напоминает, не даёт останавливаться.

– А это, – я едва дотронулся до стоящей около компьютера фотографии мальчика с умным взглядом, – твой сын?

– Угадал.

– Глаза умные...

– Комплимент для собаки, – нахмурился Корнев. – У человека других и не должно быть.

Потом Инесса разлила по разномастной посуде чай, Аркадий извлек откуда-то бутылку «Столичной» и после того, как выпили по второй, общение стало свободней. Я, помнится, опасался насчет испытательного срока, а мои новые сослуживцы заверяли, что это просто формальность, что ещё не таких оставляли и что они согласны помогать.

– «В надежде славы и добра глядеть на вещи без боязни...» – резюмировал Марк, когда бутылка опустела.

– Пушкин, – предположила Инесса.

– Пастернак, – блеснул я эрудицией.

– Он самый, – подтвердил Марк. – Ладно. Сегодня ты уже ничему хорошему здесь не научишься, а завтра приходи к половине десятого. Бывай.

Домой я возвращался легко и радостно. И гуляющая по сосудам «Столичная» была тут ни при чем, бутылка на четверых – ерунда. Такого приподнятого возвращения домой мне не приходилось испытывать с первого дня работы в школе. Вечером я всегда знал – завтра повторится то же, что происходило сегодня, с вариациями на темы домашних заданий. А теперь каждый день будет не похож на другой – ведь название «Новости» образовано от слова «новый».

– Ты пьяный? – возмутилась Сашка, потянув носом воздух.

– Имею право! – нарочито нетрезвым голосом процедил я. – Поразмысли сама, барсик, мог ли я отталкивать дающую руку Марка Корнева.

– Ты?! Пил с Марком Корневым? – поразилась Александра. – Это меняет дело. Ну-ка, давай рассказывай.

– Изволь, – начал я, и пока готовился ужин, торчал на кухне, с придыханием расписывая события прошедшего дня.

– Неужели он, правда, голубой? – переспрашивала Александра про Аркадия.

– Самый настоящий! – восторженно уверял я.

– А общая атмосфера как?

– Замечательная атмосфера!

Сашка слила в раковину воду из-под картошки:

– Иди руки мой, все готово.

И тут погас свет. Пока Александра искала свечку, я отправился на лестницу выяснять, не позвонил ли уже кто из соседей электрикам. Глупо, конечно, ностальгировать по былой душевности коммуналок, но и отрицать нынешнюю разобщенность, когда не знаешь жильца за стенкой, тоже нельзя. Периодические отключения света в этом смысле даже полезны. Мужики, почти одновременно выползшие на площадку, сидели на корточках и уютно мигали при затяжках алыми огоньками сигарет. Баба Феша в очках и с длинными волосами сильно походила на призрак Джона Леннона. Сожженными голосовыми связками она скрипела, что при Сталине министра энергетики завтра же сослали бы на Соловки.

– Много ты Сталина помнишь! – хмыкнул ветеран из 14-ой квартиры, надевающий в День Победы полную грудь наград и посидевший свое при кремлёвском горце.

– Как же не помню?! – обиделась баба Феша. – Я уж при ём на почте работала. Порядок был.

– Понеслась душа в рай, – вполголоса пробормотал вообще чужой, с какого-то другого этажа жилец, непонятно как затесавшийся в наше вынужденное братство.

– Был порядок, – твердо повторила баба Феша. – На работу не опаздывали. Нас пять в отделе было, и все в семь утра как штык. Потом, когда Геня при Хрущеве ушла, на ее место халду поставили – она одна и опаздывать начала. Степаниду Николавну на пенсию проводили – две опаздывающих стало. А уж при Горбачеве одна я из старых осталась, одна и приходила вовремя.

– Вот бы вернуть всё, а? – поддел сосед из 14-ой.

– И хорошо бы жили, – встала в позу баба Феша.

– Да будет свет! – прокомментировал внезапное озарение «пришлый» мужик. Все нехотя стали разбредаться по квартирам. При свете я заметил на стене около счетчика совсем свежую надпись: «Если ты не педик, нарисуй велосипедик». И много-много неказистых велосипедиков вокруг.

Утром я поехал в школу и наплёл про безвременно парализованного родственника на другом конце страны. Долго сокрушался, что кроме меня ему никто стакана воды не подаст и принял от вчерашних сослуживцев положенную в подобных случаях толику соболезнований. А что делать, если по иным причинам за считанные до конца учебного года дни учителям заявления не подписывают? Директриса смотрела на меня так, словно я бросаю жену на девятом месяце, но, скрепя сердце, смирилась, и на «НГТВ» к началу рабочего дня я успел тютелька в тютельку.

– Вот кто поедет! – возопил Аркадий, едва я появился на пороге.

– Бриллиантовый мой! – обрадовалась Инесса. – Мы прямо разрываемся! Хватай оператора и лети в коммерческий лицей около ЦУМа, знаешь?

– Так сразу? – испугался я.

– Время бежит, Юраш, – встрял Аркадий. – Не рассказывать же тебе, как древние детей плавать учили.

– А что там происходит, в лицее?

– В том-то и тонкость, что информационного повода никакого нет, – развёл руками Аркадий.

– Тогда зачем ехать?

– Видишь ли, – помедлил он с ответом. – В лицее племянник Ванды Поликарповны учится, а мы за это про них рассказываем раз в месяц: скрытая реклама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.